

3. Стамбулова Н.Б. Психология спортивной карьеры. – Санкт-Петербург: Центр карьеры, 1999. – 367 с.

4. Шихвердиев С.Н. «Самоотношение спортсменов, находящихся на этапе завершения спортивной карьеры» // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2010. – С. 107–110.

5. Stambulova N., Wylleman P. Dual career development and transitions (Editorial) // Special Issue «Dual career development and transitions / under the editorship N. Stambulova and P. Wylleman // Psychology of Sport and Exercise. – 2015. – № 21. – P. 1–3.

Автор – **Матвеев Константин Николаевич**, г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант 2 курса обучения, konstmatvey@gmail.com.

ПРЕДИКТОРЫ РОДИТЕЛЬСКОГО СТРЕССА В КОНТЕКСТЕ ПОСЛЕДСТВИЙ ИНТЕНСИВНОГО МАТЕРИНСТВА

PREDICTORS OF PARENTAL STRESS IN THE CONTEXT OF THE CONSEQUENCES OF INTENSIVE MOTHERHOOD

Мисиюк Ю.В., Одинцова О.Ю.
Misiyk Yu.V., Odintsova O.Yu.

Аннотация. Родительский стресс является распространенным психическим состоянием в жизни современной семьи. Значимость стилевых особенностей воспитательных практик, в том числе приверженность установкам интенсивного родительства имеет важнейшее значение для психического благополучия ребенка и родителей. В настоящем исследовании с помощью линейного регрессионного анализа проанализированы детерминации родительского стресса в контексте последствий интенсивного материнства на выборке 216 женщин ($n = 216$) в возрасте 20 до 53 лет ($M = 37,14$), имеющих 1–6 детей ($M = 1,87$, $SD = 0,81$).

Ключевые слова: родительский стресс, стресс, нормативное родительство, материнство, интенсивное родительство.

Abstract. Parental stress is a common mental condition in modern family life. The significance of the style features of educational practices, including adherence to the attitudes of intensive parenting, is of paramount importance for the mental well-being of the child and parents. In this study, using a linear regression analysis, we analyzed the determinations of parental stress in the context of the consequences of

intensive motherhood in a sample of 216 women ($n = 216$) aged 20 to 53 years ($M = 37.14$) with 1-6 children ($M = 1,87$, $SD = 0.81$).

Keywords: parental stress, stress, normative parenting, motherhood, intensive parenting.

В современных западных исследованиях (Lebert-Charron A. et al., 2018; Nomaguchi and Milkie 2020) было обнаружено, что реализация модели интенсивного материнства (даже в его относительно умеренном варианте) сопряжена с рисками развития психологического неблагополучия женщины, проявляющееся в повышении родительского стресса, и как следствие – родительского выгорания. Это связывается, прежде всего, с тем, что детоцентричное и трудоемкое родительство, максимизация вовлеченности родителей в жизнь ребенка создает серьезные родительские перегрузки, неспособность соответствовать статусу «хорошего родителя» влечет усиление чувства родительской вины. При этом интенсивные родительские практики могут позитивно влиять на компоненты родительского самовосприятия женщины: родительскую самооценку и удовлетворенность родительской ролью.

Родительский стресс свойственен всем родителям независимо от их собственных качеств и характеристик их детей (Савёнышева, Марачевская, Мигунова, 2019). Действительно, воспитание детей – это основная сфера, в которой люди сталкиваются с необходимостью интенсивно и постоянно приспосабливаться к стрессовым ситуациям, особенно в материнстве, которое до сих пор считается основной формой родительской практики (Henderson et al., 2016). В настоящем исследовании, родительский стресс рассматривается как стресс, связанный с выполнением родительской роли матери. Считается, что именно женщины, подвергаются большему риску родительского стресса, поскольку мать отвечает за маленьких детей, и обычно несёт основную ответственность по уходу. В совокупности с субъективными, оценочными характеристиками матери (самовосприятие, родительская компетентность и удовлетворенность родительской ролью) становится фактором, усиливающим родительский стресс (Савёнышева, Марачевская, Мигунова, 2019). В связи с этим, важным остается вопрос – какой вклад в континууме стрессоров, связанных с выполнением родительской роли несут в себе последствия интенсивного материнства?

В связи с этим проверяется гипотеза о том, что последствия интенсивного материнства в континууме стрессоров нормативного родительства имеют значительный вклад в родительский стресс (являются фактором усиления / ослабления родительского стресса).

Материалы и методы исследования

В исследовании приняли участие 216 женщин ($n = 216$) в возрасте 20 до 53 лет ($M = 37,14$), имеющие 1–6 детей ($M = 1,87$, $SD = 0,81$), со стажем родительства от 0 до 31 года ($M = 11,94$, $SD = 6,46$).

Социально-демографические характеристики участниц исследования:

уровень образования: среднее – 1,9 %; среднее-профессиональное – 14,8 %; высшее – 80,1 %;

семейное положение: замужем (в том числе, незарегистрированные браки) – 81,9 %; в разводе – 14,8 %; не ответили 3,2%;

занятость: работают – 75,9 %; в декрете – 14,4 %; домохозяйка – 6,0 %; временно не работаю – 2,3 %; не ответили – 1,4 %.

Методический комплекс:

Опросник “*Intensive Parenting Attitudes Questionnaire*” (IPAQ) (Liss M., Schiffrin H.H., Mackintosh V.H., Miles-McLean H., Erchull M.J., (Liss, Schiffrin, Mackintosh, et al., 2013) в адаптации Ю.В. Мисюк, А.И. Прихидько, П.С. Рогачевой 2020–2022;

Методика исследования удовлетворенности родительской ролью “*Parent Satisfaction Scale*”, (C.F. Halverson, H.P. Duke, 1991) адаптация Е.В. Куфтяк, 2006;

Исследование самооценки и определение уровня притязаний способом шкалирования (Шкала Адлера), G.J. Manaster, R.J. Coresini; перевод, адаптация Е.В. Сидоренко, 1993 в модификации автора.

Шкала родительского стресса “*Parental Stress Scale*” (J.D. Berry, W.H. Jones, 1995), адаптация Ю.В. Мисюк, И.В. Тихонова, 2022;

Шкала родительской вины “*Guilt About Parenting Scale*”, (D. Haslam, J. Finch, 2020) перевод Ю.В. Мисюк 2021;

Шкала субъективного благополучия “*Échelle pour l'évaluation subjective du Bien-être*”, (Perrudet-Badoux, Mendelsohn, Chiche, 1988) адаптация М.В. Соколовой 1996.

Результаты исследования и их обсуждение

Для проверки гипотезы был использован линейный регрессионный анализ, направленный на выявление вкладов последствий интенсивного материнства. Были проанализированы детерминации родительского стресса, где в качестве зависимой переменной выступал показатель уровня родительского стресса, а в качестве независимых переменных – удовлетворенность ролью родителя, самооценка успешности, родительская вина, установки интенсивного материнства, оценка субъективного благополучия.

Выявлено достоверно значимое влияние ряда предикторов на уровень родительского стресса женщин ($R = 0,85$; $R^2 = 0,72$; $p = 0,000$). Данная детерминация объясняет 72 % дисперсии общего уровня родительского стресса.

Прямое влияние на выраженность родительского стресса имеет родительская вина ($\beta = 0,21$ $p = 0,000$) – интенсивность переживания родительской вины будет повышать общий уровень родительского стресса. Отрицательный вклад вносят такие показатели как: не обременённость ролью родителя ($\beta = -0,57$ $p = 0,000$) – самый значимый вклад; оценка материнской успешности ($\beta = -0,19$ $p = 0,000$); и выраженность установки на удовлетворенность ($\beta = -0,19$ $p = 0,000$). Это говорит о том, что чем более изнуряющей, трудоемкой и затратной представляется женщинам материнская роль, чем меньше они получают от материнства эмоционального вознаграждения (удовольствия), и чем менее успешными по сравнению с другими матерями они себя ощущают, тем более высокие показатели уровня родительского стресса они демонстрируют.

Так, реализация модели интенсивного материнства, наиболее типичными маркерами которой являются возведение родительства в разряд основной ценности и приверженность идеям раннего развития ребенка, первоначально приносит женщинам ощущение собственной успешности и ограждает от воздействия влияния родительского стресса. Однако, вследствие интенсивного расходования внутренних и внешних ресурсов для соответствия стандартам и ожиданиям (собственным и социальным) у женщин может усиливаться чувство вины за недостаточную вовлеченность и эффективность. Решением для выхода из родительского стресса является, истинное переживание удовлетворенности родительство, возможность получать эмоциональное вознаграждение, его действительная глубинная ценность для женщины (а не декларируемая и внешне демонстрируемая). Исследования родительской удовлетворенности привели ученых к выводам, что она является как предиктором, так и результатом родительского стресса (Crnic, Ross, 2017).

Таким образом, проявление тех или иных последствий чрезмерного родительства, актуализирующихся у женщины в виду следования догматам интенсивного материнства могут усиливать или ослаблять показатели родительского стресса. Гипотеза о том, что проявления интенсивного материнства в континууме стрессоров нормативного родительства имеют значительный вклад в родительский стресс подтверждена.

Благодарности. Исследование выполняется за счет проекта РНФ № 22-28-00678 «Родительство как травма: концептуализация, феноменология, поиск генезиса».

Литература

1. Савёнышева С.С., Марачевская К.Ю., Мигунова М.В. Родительский стресс и копинг-стратегии у работающих и неработающих матерей детей раннего возраста // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2019. – № 4. – С. 113–117.
2. Henderson A., Harmon S., Newman H. The price mothers pay, even when they are not buying it: Mental health consequences of idealized motherhood. *Sex Roles*. – 2016. – Vol. 74. – № 11. – Pp. 512–526.
3. Nomaguchi K., Milkie M.A. Parenthood and well-being: A decade in review. *Journal of Marriage and Family*. – 2020. – Vol. 82. – № 1. – Pp. 198–223.
4. Lebert-Charron A. et al. Maternal burnout syndrome: Contextual and psychological associated factors // *Frontiers in psychology*. – 2018. – Vol. 9. – 885 p.
5. Crnic K., Ross E. Parenting stress and parental efficacy. Parental stress and early child development. Springer. Cham. – 2017. – Pp. 263–284.

Авторы: **Мисиюк Юлия Викторовна**, г. Кострома, Костромской государственный университет (КГУ), младший научный сотрудник, misiyk@ysmu.ru.

Одинцова Оксана Юрьевна, г. Ярославль, Ярославский государственный медицинский университет (ЯГМУ), старший преподаватель кафедры психологии и педагогики, odintcova@ysmu.ru.

К ПРОБЛЕМЕ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ РЕГУЛЯЦИИ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ МОЛОДЕЖИ, УВЛЕКАЮЩЕЙСЯ АНИМЕ

TO THE PROBLEM OF VALUE-SENSE REGULATION OF MENTAL STATES OF YOUTH WHO ARE INTERESTED IN ANIME

Михайлова Э.В., Устин П.Н.

Mikhailova E.V., Ustin P.N.

Аннотация. В данной статье рассматривается актуальный вопрос влияния аниме на психику людей. Основное внимание уделяется ценностно-смысловой сфере личности и взаимосвязь этой сферы с саморегуляцией. Представленная методология позволяет эмпирически представить различия ценностей людей, увлекающихся аниме и не увлекающихся. Также берутся во внимание разнообразные вторичные категории людей, увлекающихся аниме, такие как частота, длительность просмотра контента и отношение к аниме.